

УДК 101.1+316.37

И.В. Мелик-Гайказян**MEMORY-TURN: АРХИТЕКТУРА БИОЭТИКИ
КАК ДИАГНОСТИКА НОВОГО ПОВОРОТА В ФИЛОСОФИИ***

*На основе информационно-синергетического подхода обнаружены парадоксы современного состояния социокультурных систем. Их решение требует нового диалога с памятью культуры, или *memo-turn*, который современная философия стихийно совершает в процессе биоэтических исследований. Концепция *memo-turn* позволила упорядочить трактовки биоэтики.*

Ключевые слова: *memo-turn*, биоэтика, информационно-синергетический подход, упорядочение трактовок биоэтики.

Два парадокса как характеристика проблемы исследования

Сосредоточенность философии в XX веке на причинах и последствиях нарастающей множественности социальных трансформаций вызвала череду совершенных ею поворотов. Это продолжающееся верчение смешивает линии традиций философии и втягивает в воронку философской рефлексии методы и области научно-технического знания. Результатом смешения методологий стали экология, семиотика, кибернетика, синергетика, когнитивные науки и биоэтика. Междисциплинарный и полифундаментальный генезис обеспечил им одновременную принадлежность к философии и науке. Данная познавательная ситуация не превращает философию в науку, а создает условия для «нового диалога» не только между «человеком и природой» [1], что стало отправной точкой постнеклассической науки, но и между всеми существующими формами знания. Причем существующие формы знания включают экспертное и профанное знание в силу возникшего парадокса: *в «обществе знаний» каждый человек – профан*. Нарастающая сложность науки и технологий, конструирующих всю современную реальность, позволяет человеку, в том числе ученому и разработчику конкретных составляющих этих технологий, быть экспертом только в чем-то одном, оставляя даже образованного человека в беспомощности профана во всем другом. Со времен возникновения примитивных культур и до последней трети XX века людей разделяли пределы их осведомленности. Во все времена положение знающего человека – колдуна или жреца, философа или священника, врача или учителя, мастера или ученого – давало преимущества в ориентации в окружающей действительности и в осознании своего места в потенциальной реальности. В конце XX века эти преимущества образования утрачены, и все мы получили новую роль *nobrow* – человека «безбрового» [2], одновременно воплощающего в себе идеалы культуры высоколобых и участь профанов. С таким стертым лицом мы вынуждены понять и принять новые правила диалога, а симптомом

* Исследование выполнено по гранту РФФИ, проект № 11-06-00160 и проект № 10-06-00313, и гранту РГНФ, проект № 12-03-00198.

неотложности этих мер стала «биоэтика как форма защиты индивидуальности в современной культуре» [3].

Вместе с тем философское содержание биоэтики связано с организацией диалога (диалога как «продуктивного инакомыслия») между множеством позиций для поиска выхода из конкретной экзистенциальной ситуации конкретного человека [4. С. 7–15] и трактовкой самой сути множественности позиций, сталкивающихся в биоэтическом диалоге [4. С. 246–252]. Множественность создает вариативное сочетание компонентов той нормативности, на которую указывает само слово «биоэтика», т. е. этики и биомедицины. И если этика создает устойчивые традиции интеллектуального опыта, приходящие из прошлого и из этого прошлого организующие действительность настоящего, то в биомедицине традиции врачевания, не приемлющие инноваций, дополняются разработкой и внедрением новых технологий, конструирующих человека и его будущее. Причем тех технологий, которые превращают экспертов в профанов и в тотальности своих инноваций формируют безоглядное принятие ценности будущего как коллективной мечты, что подтверждает прогнозируемое единое глобальное будущее в информационном обществе. Но не только последствия технологического замещения естественного в человеке искусственным (искусственное в зарождении жизни и в ее прекращении, искусственное в обуздании эмоций и в трансплантологии, искусственное достижение телесного идеала etc.) составляют предмет биоэтики. Основное ее беспокойство сосредоточено на утрате актуальности интеллектуальных традиций, составляющих ненаследственную память культуры. И здесь возникает второй парадокс: *в обществе, предопределившем свое будущее, неопределенным становится прошлое*. И подобно тому, как беспокойство от встречи с неопределенным будущим породило футурологию, так беспокойство от утраты прошлым своей определенности породило биоэтику. Эта утрата вызвана перемешиванием интеллектуальных традиций в коммуникативной действительности современной культуры, между множественными сочетаниями которых биоэтика и призвана выстраивать диалог. Таким образом, проблему исследования составляет выяснение роли биоэтики в формировании *нового диалога с памятью культуры*, что актуализирует стихийно совершаемый философией поворот для осознания новой антропологической реальности, возникающей в социальных условиях с неопределенным прошлым. Поскольку этот поворот связан со специфическим обращением к памяти, то он назван мной *memory-turn* [5].

Диалогичность биоэтики и ее архитектурные конструкции

Для прояснения специфики исходной диалогичности биоэтики приведем один пример. В конце 2011 года в Институте философии РАН обсуждалась ситуация, которая принадлежит предметной области биоэтики. Данное обсуждение входило в череду практических процедур биоэтики, т. е. было некой «рутинной» работой, но обнажающей большинство ее оснований во всей их теоретической и методологической сложности. Более четырех часов два десятка профессионалов (медиков, биологов, психологов, философов), представителей благотворительных фондов и священников аргументировали различные пути разрешения ситуации, один из которых должна была выбрать мама тяжело больной годовалой девочки. Молодая женщина самоотверженно бо-

ролась за жизнь ребенка. Она фактически жила в больнице около дочери, что требовало напряжения всех ее сил; отрывало от еще маленького сына; исключало завершение высшего образования; деформировало отношения в семье, которая с учетом всех бабушек-дедушек была этноконфессионально неоднородной; забирало все ресурсы этой большой семьи, etc. Тяжесть заболевания мозга ребенка иллюстрирует то обстоятельство, что в медицинской практике был зафиксирован *единственный* случай выжившего, но не ставшего здоровым, пациента. Возможность реализации этого шанса попадала в биомедицинский ракурс полемик, в центре которых было выяснение потенциала новых технологий и неопределенность критериев диагностики пораженного мозга. В фокус медико-психологического обсуждения входили условия для существования в семье ребенка в том его состоянии, которое было бы возможно в случае его выживания при всех неутешительных прогнозах этого выживания. Нюансы организационных и финансовых составляющих потенциальных действий были прояснены представителями благотворительных фондов. Особую лингвистическую ситуацию в обсуждении создавало присутствие самой мамы. Эта специфика не сводилась только к разъяснению медицинской терминологии, к сочувствующему оптимизму и к осторожному подбору слов. Напротив, все позиции были изложены с предельной откровенностью, исключающей любое затушевывание трагических оттенков каждого решения. Каждая из позиций восходила к нормативности определенной этической системы и тем самым вбирала в себя мировоззренческие (философские и/или религиозные) основания, в границах которых был осуществлен отбор аргументов в пользу того или иного способа действий. Пересечение этих оснований с узкоспециальными основаниями позиции каждого эксперта отражало положение биоэтики в ее одновременной принадлежности к философскому, научному и вне-научному знанию. Методологическую сложность процедур биоэтики составляет необходимость преодоления формы монолога, в которой эксперт излагает последовательность аргументов, во-первых, затрагивая предметные области, выходящие за рамки его специализации, и, во-вторых, проясняя все пункты своей позиции для тех, кто экспертом в его области не является. «Точки роста» решений биоэтики возникают на рубежах, разделяющих всю конфигурацию профессиональных, концептуальных и дисциплинарных ареалов. Преодоление всей этой совокупности барьеров в принципиальной степени делает возможным солидарность всех участников обсуждения в поиске выхода из конкретной ситуации конкретных людей – людей страдающих, ощутивших грань жизни и смерти, подошедших вплотную к той черте, за которой надежду сменяет отчаяние. Объяснение человеку, находящемуся в таком состоянии, путей выхода из его проблемной ситуации, из суммы которых он должен выбрать только один и одиноко нести ответственность за последствия своего выбора, является задачей биоэтической практики. Именно решение данной задачи делает необходимой всю сложность процедур в разборе конкретного случая в биоэтике и актуализирует ее специфические обращения к пунктам разветвления интеллектуальных традиций, а самое главное – диалогу между ними.

Среди способов, которыми культура предьявляет взаимосвязь собственных ментальных оснований и целей своих самобытных эпох, наибольшей

наглядностью обладает архитектура. Именно архитектура конструирует пространство будущего и обозначает то извлечение из памяти культуры, что в качестве интеллектуального багажа следует передать и иметь в наличии для жизни в задаваемом будущем. Аналогично этому биоэтика актуализирует процесс селективного отбора из ненаследственной памяти культуры того, что обладает прагматической ценностью для жизни в действительности и задает очертания антропологических перспектив в конструируемом новыми технологиями будущем.

Проведем разбор архитектурных конструкций биоэтики, проступающих в приведенном примере, нервом которого является диалог эксперта и профана. Каждый участник-эксперт на основе разделяемой им нормативности вербализирует свои оценки ситуации, что станет отправной точкой для прогноза развития ситуации и отбора средств действия. Компетенция эксперта обеспечит его концентрацию на отдельной грани ситуации (юриста и священника – на пределах нормативности, специалистов в биомедицине и врача – в прогнозе и отборе технологий лечения, психолога – в адаптации близких больной девочки к ее ситуации и в компенсации при осуществлении экзистенциального выбора). Предположим, хотя практика пока не дает поводов для этого предположения, что, во-первых, сборка вердиктов всех экспертов, сделанных в ареалах их компетенций, составит общий путь выхода из обсуждаемой ситуации, и, во-вторых, само обсуждение проходит на основе однозначно всеми понимаемой терминологии. Вместе с тем даже в этой ситуации проступит конфликт предлагаемых сценариев, поскольку существуют исключаящие дополнения этические позиции альтруизма, гедонизма, перфекционизма или утилитаризма и разброс позиций атеизма и конфессиональных спектров, а восхождение вердиктов к истокам этих позиций может как осознаваться, так и не осознаваться.

Здесь проступает *первая* конструкция в архитектуре биоэтики, которую можно именовать словами «сад расходящихся тропок», ставших заглавием одного из эссе Хорхе Луиса Борхеса [6]. В центре повествования разгадка замысла древнего китайского чудо-романа, композиция которого представляет собой лабиринт всех возможных сценариев развития сюжета. «Стоит герою любого романа очутиться перед несколькими возможностями, как он выбирает одну из них, отмечая остальные; в неразрешимом романе Цюй Пэна он выбирает все разом. Тем самым он творит различные будущие времена, которые в свою очередь множатся и ветвятся» [6. С. 91]. Один и тот же персонаж может стать героем и предателем, другом и врагом. Ветвящиеся во времени интеллектуальные традиции – культурные и религиозные, философские и научные, стереотипы чувств и ритуализация поступков – приходят к нам из прошлого, в ретроспективном рассмотрении которых спасители и губители также могут меняться местами.

Трагизм повествования в эссе Борхеса в том, что далекий потомок автора этого романа, выполняя свой долг военного разведчика, вынужден демонстративно убить исследователя книги своего почитаемого предка, поскольку фамилия исследователя случайно совпала с названием города, о котором он должен сообщить в донесении. Сведения об убийстве попадают в газеты, сигнал передан, задание преступно выполнено.

Архитектура «сада» адекватно выражает коммуникативное устройство биоэтического диалога, в котором каждая высказываемая позиция подобна отдельной «тропке» в лабиринте путей решения. Оптимистичность настроения создает уверенность в существовании выхода из лабиринта, а драматизм – в том, что, желая сыграть роль спасителя, можно оказаться в роли предателя, предателя целей и ценностей человека, беззащитно вверившего нам свою судьбу.

Вместе с тем право человека выбирать ветвящиеся сценарии собственной жизни прочно вошло в самосознание современной культуры. Признание ценности этого права обеспечило эклектичность сочетаний культурных традиций и социальных практик. Но проблему создает необратимость выбора одного из них, что делает биоэтику *путеводителем* в пространстве интеллектуальных традиций. Тем самым биоэтика *становится способом прагматической концентрации философии для разрешения конкретной проблемы индивидуальности*. Смешение интеллектуальных традиций, составляющее совокупный опыт культуры, стало эклектичной основой современной жизни. Плоды, выросшие в этом «саду», могут одновременно быть целебными и убийственными, а основной принцип в традиции врачевания «Не навреди!» обращается в практике профанно понимаемой сложности биомедицины в девиз «Ничего не делай!».

Вторая конструкция архитектуры биоэтики связывает эксперта и профана. В обсуждаемом примере профан персонифицируется женщиной, принимающей решение за свою дочь, и профаном, воплощающим здравый смысл в некоем традиционном понимании, что выводит его за рамки экспертного знания. Легко угадываемым решением профана-советчика с опорой на стереотипы, выраженные в поговорках «такова судьба» и «бог дал, бог взял», станет принятие неизбежности пессимистичного прогноза выздоровления девочки и совет молодым родителям завести нового ребенка. Но подобная покорность внешним обстоятельствам обнажает эту *вторую* конструкцию биоэтики, заполняющей пустоту, которая возникла в современной повседневности после того, как «нравственные поговорки», укорененные в лексиконе каждой культуры, утратили свою прагматическую эффективность. О назначении этих поговорок сказано в пушкинской «Метели» в связи с запоздалым разрешением родителей на брак героини повести, напуганных ее болезнью: «бедная больная две недели была у края гроба». Болезненное состояние же несчастной Марьи Гавриловны было вызвано потрясением оттого, что по невообразимому стечению обстоятельств она тайно была обвенчана с незнакомым ей человеком. «Тайна была сохранена более чем полудюжиной заговорщиков. Но Марья Гавриловна сама, в беспрестанном бреду, высказывала свою тайну. Однако же ее слова были столь несообразны ни с чем, что мать, не отходившая от ее постели, могла понять из них только то, что дочь ее была смертельно влюблена во Владимира Ивановича и что, вероятно, любовь была причиной ее болезни. Она советовалась с мужем, с некоторыми соседями, и наконец единогласно все решили, что, видно, такова была судьба Марьи Гавриловны, что суженого конем не объедешь, что бедность не порок, что жить не с богатством, а с человеком, и тому подобное. Нравственные поговорки бывают удивительно полезны в тех случаях, когда мы от себя мало что можем выдумать себе в оправдание» [7. С. 513]. Примеры подобных решений демонстрируют, что достигнуть полного согласия («единогласно все решили»)

можно лишь: а) сняв личную ответственность за принятое решение, чему способствуют стереотипы прошлого; б) найдя решение, отстранившись от действительных потребностей страдающего человека («ее слова были столь несообразны ни с чем»); в) приняв однозначную справедливость патерналистского решения; г) исключив амбивалентность «тайны», сохранение которой способно быть как убийственным, так и сыграть роль исцеляющего плацебо, и в равном праве пациента как знать всё, так и не знать всё о своей болезни. Вместе с тем примеры указывают на свершившую трансформацию ситуации выбора родителями судьбы для взрослой дочери в XIX веке и для годовалой девочки в XXI веке.

Третью особенность архитектуры биоэтики обозначает афоризм В.О. Ключевского: прямой путь – кратчайшее расстояние между двумя неприятностями. Применимость афоризма к характеристике философского пласта биоэтики созвучна предупреждению, что в современной философии «лапидарные решения – свидетельство лени и некомпетентности исследователя» [8. С. 5]. В этом отвергается однозначность строгой геометрии классических конструкций, и фиксируются потенциалы современной философии, давшей методологические принципы исследования сложных систем, необратимых во времени процессов и случайных событий. С позиции постнеклассического рассмотрения действительность раскрывается в множественности своих прошлых и будущих состояний, в вариативности процессов перехода от прошлого к настоящему и от настоящего к будущему. В таком многомерном соединении языков, выражающих свой образ действительности, существующая реальность отличается от каждого образа подобно тому, как наша планета отличается от шара, от глобуса, от каждой географической карты. Эта аналогия служит и разъяснению понятия «граница» и, казалось бы, синонимичных ему понятий «предел», «рубеж» или «барьер», которые были употреблены при изложении примера биоэтического обсуждения. Если мы вспомним изображение нашей планеты, сделанное из космоса, то легко вспомним разделение океанов и суши, зелени лесов и желтизны пустынь, что делает наглядным факт существования границ. Но если мы представим географическую карту, как своеобразную модель поверхности планеты, выражающую разнообразие в структурности ее строения и биосферных процессов, то в этом изображении станет явным еще множество других границ. Политическая карта сделает границу явлением одновременно наглядным, конвенциональным и преходящим. Но установление границы не сводится только к фиксации разделения. В наглядности, проявленной в моделях, становятся ясными другие функции границ. Границы фиксируют подвижные области перехода, в которых достигнутые рубежи не являются пределами осуществимого, и области контакта, что актуализирует границу не как барьер, а как актуальное пространство взаимодействия и коммуникации. Роль барьера играет наименьшая часть из всех границ, но и их подвижность во времени демонстрируют карты, отражающие эволюционные процессы природных и социокультурных систем. Таким образом, понимание природы границы открывает диахроническую сущность биоэтического диалога, проводимого в режиме синхронии, что делает его, в конечном счете, диалогом с традициями и стереотипами, т. е. *диалогом с памятью, хранимой в интеллектуальной истории.*

Современным завоеванием постнеклассической методологии стали процедуры моделирования. В них открывается принципиальная возможность организации биоэтического диалога, поскольку игра с моделью позволяет выяснять подвижность границ, разделяющих позиции участников диалога, что и выявляет пункты пересечения в концептуальном пространстве многомерной и конкретной ситуации. В книге П.Д. Тищенко есть фрагмент [4. С. 22–24], в котором этическая неопределенность ситуации «рационального самоубийства» раскрывается с помощью модели. В модель включены некие фигуры (в частности, священник и психиатр), олицетворяющие аргументацию определенной моральной позиции. В подобных моделях, как в конструкциях мысленных экспериментов, с наглядностью раскрывается вся неустойчивость биоэтической ситуации, создаваемой в противоречии концептуальных групп решений: этической и антропологической [4. С. 246–252]. Наглядность, достигаемая в модели, становится условием биоэтического решения, поскольку нерв ситуации пролегает по линии, связующей эксперта и профана.

Итак, акцентируем специфику биоэтического диалога: вариативность в понимании блага, подвижность концептуальных границ в диахроническом измерении, эффективность моделей для наглядного представления структуры проблемной ситуации и потенциальных выходов из нее. Вместе с тем модель «с фигурами», помогая произвести рекогносцировку расстановки сил среди экспертов и профанов, сводит каждую фигуру эксперта к воплощению действия одной из функций: нормативной, прогностической, критической, адаптивной или компенсаторной, а профана – к роли реципиента, колеблющегося между предлагаемыми экспертными заключениями.

Но ключевым обстоятельством является то, что каждый эксперт на отдельных этапах распутывания ситуации перемещается на место профана. Данное обстоятельство актуализирует сборку самих функций в наглядности модели.

Модель информационно-синергетического подхода с иллюстрациями ее применения

Суть подхода составляет взаимосвязанность трех положений: феномен информации есть необратимый во времени процесс; начало процесса есть случайный результат спонтанного события; информационные процессы есть механизмы самоорганизации сложных открытых систем. Каждое положение выражено в специально разработанной концептуальной модели, а их сочетание составляет метод решения задач в междисциплинарных исследованиях нелинейной динамики сложных систем. Одно из подобных сочетаний для исследования так называемых «человекомерных» систем в свое время стало самостоятельной моделью (рис. 1), позволившей установить и место профана в среде Hi-Tech [9], и распределенную в этой среде структуру перечисленных выше функций [10]. Эта модель разработана мной [11–13] на следующих основаниях.

Во-первых, слагаемые семиотического механизма культуры, выявленные Ю.М. Лотманом и Б.А. Успенским [14], были представлены в качестве *результатов* отдельных стадий информационного процесса. Основанием для столь вольного обращения с выводами крупнейших представителей семиотического

подхода к исследованию культуры было то, что в данных ими дефинициях компонент семиотического механизма присутствовала кибернетическая терминология. Эти дефиниции дали название всем блокам модели (рис. 1).

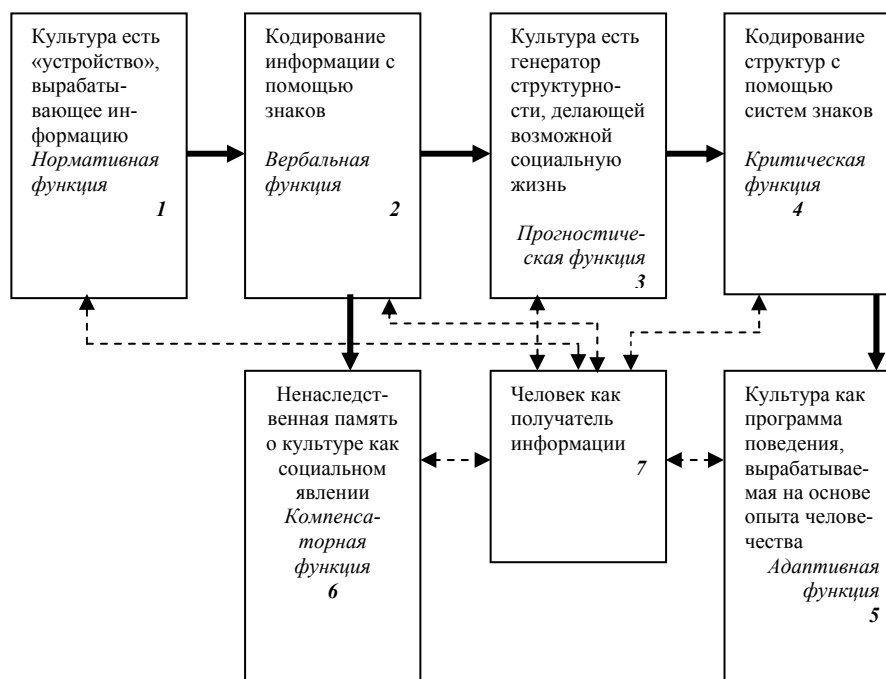

Рис. 1. Модель информационных процессов в нелинейной динамике социокультурных систем

Во-вторых, последовательность стадий информационного процесса была впервые [11] определена не в кибернетической, а в синергетической парадигме, что стало основанием включения в эту последовательность стадии генерации информации (блок 1 на рис. 1) как события в принципиальной степени случайного, изменяющего направление и темп всей дальнейшей динамики. Постнеклассическая парадигма стала основанием для утверждения о необратимой во времени последовательности стадий информационного процесса, что выражено в направленности стрелок, нарисованных сплошными линиями, между блоками.

В-третьих, на основе установленной корреспонденции этапов самоорганизации и стадий информационных процессов [12] каждый блок модели выражает определенную фазу нелинейной динамики: блок 1 связывает преодоление системой хаотического состояния и стадию генерации информации; блок 2 – фиксацию выбранных вариантов нового порядка и кодирование информации; блок 3 – формирование новых структурных уровней системы (усложнение при самоорганизации или упрощение при самодезорганизации) и трансляция информации, а блок 6 – «память» об устойчивых состояниях и хранение информации; блок 4 – формирование структур-аттракторов и построение оператора как способа достижения цели; блок 5 – достижение ат-

трактивного состояния и редупликация информации; блок 7 – воздействие макросостояния системы на элементы системы и рецепция информации.

Способность модели представлять социокультурную динамику как информационный процесс, возможно, прояснит следующий пример. Каждая из религиозных систем возникала на определенном толковании того, что есть благо (блок 1). Идея благой жизни фиксировалась (блок 2) в тексте (например, Тора, Библия, Коран etc). Текст определял как ритуализированную этику (блок 6), так и в случае его трансляции в социальную жизнь – новую структурную организацию (блок 3). В свою очередь, новая структурность требовала воплощения в соответствующих знаковых системах. Создавались либо новые символы как операторы социального действия, либо происходил «переворот в символизме» [15. С. 43] (блок 4). Целью воплощения в жизнь новой идеи блага во всех случаях было научить человека жить и поступать правильно, то есть – создание модели поведения идеального человека (блок 5). При этом у реальных людей каждой самобытной эпохи был свой спектр впечатлений от предлагаемого блага и реакций на способы правильной жизни (блок 7). Итак, модель в схематичной форме выражает способ соединения семиотического, информационного и синергетического подходов, что и стало программой междисциплинарных исследований динамики социокультурных систем [10–13]. Но здесь следует разъяснить один ключевой момент. Устанавливать на основе модели корреспонденцию инвариантной последовательности стадий с семиотическими формами имеет смысл только при условии событийной инновации (блок 1), сравнимой с началом самобытной эпохи культуры. Выше уже были отмечены критерии для выделения события такой размерности – оно должно быть случайным и должно вызвать изменение направления и темпа дальнейшего развития.

В-четвертых, в модели на основании установленной корреспонденции между свойствами информации и их проявлениями на конкретных стадиях информационного процесса [11, 12] удалось представить структуру социокультурных функций [13, 16]. Траектории воздействия этих функций в графике модели (рис. 1) выражены пунктирными линиями, а направление воздействия – стрелками, обращенными к «человеку как получателю информации» (блок 7). Названия функций – нормативная, вербальная, прогностическая и компенсаторная, критическая, адаптивная – вписаны в те блоки модели, которые «несут» ответственность за возникновение этих функций. Такое распределение функций позволяет с помощью модели проводить диагностику социокультурных трансформаций. Опять же для пояснения данного потенциала модели приведем пример. Для демонстрации возможностей модели начнем изложение примера не с блока 1, а с блока 4.

Появление «эстетики без искусства» стало выражением «переворота в символизме», вызванного вторжением феномена Hi-Tech в социокультурную действительность. Иллюстрацией этого явления служат две выставки. В стиле science-art и в духе анатомического театра на выставке «Bodies The Exhibition» в США были представлены экспонаты, сконструированные из тел умерших людей. Специальная обработка позволила в духе анатомического театра воспроизвести, например, «Мыслителя» или «Дискобола», и зритель мог видеть все подробности положения скелета, мышц и органов человека,

застывшего в позах, цитирующих знаменитые творения Родена и Мирона. Мне трудно найти аналог данной выставки в истории культуры. Вполне возможно, что это сделать невозможно, поскольку для реализации оригинального замысла потребовались достижения новых технологий. В духе Hi-Nume (комплекс новых гуманитарных технологий, созданный для управления высокотехнологичным производством и продвижения продуктов Hi-Tech) была организована выставка «20 suits for Europe», которая демонстрировалась в Бельгии, Венгрии и Испании. По замыслу кураторов выставки, 20 платьев, созданных ведущими дизайнерами модной одежды, символизируют 20 великих романов мировой литературы. Обе выставки выражают действие *критической функции* (блок 4), сигнализирующей о том состоянии современной культуры, в котором только эпатаж зрелищной формы преподнесения шедевров способен вызвать интерес. Частные примеры двух выставок соседствуют с общей трансформацией ведущих мировых музеев в некие центры, объединяющие «под одной крышей» музей с магазинами художественных товаров, кафе, концертными залами, интерактивными площадками для детей etc. Музей становится аттракцией, вовлекающей в игру с искусством, а создание пространства, вмещающего бесконечное разнообразие семиотических форм, становится условием для появления creative class [17]. Кроме того, следствием высоких технологий стали: ироничный стиль hi-tech, новые возможности в кинематографии и фотографии, а также всем доступная «эстетика повседневности». Итак, с одной стороны, демонстрация «бескожих» экспонатов и «литературных одежд» выражает востребованную временем модель *novrow* – унифицированного человека, возвышенного профана или продвинутого пользователя – модель, указывающую выражение *адаптивной функции* (блок 5) в реальности времени Hi-Tech. С другой стороны, принципиальное усложнение семиотического пространства, что, кстати, свидетельствует о взлете культуры, формирует модель человека, соответствующего критериям creative class, создающего мир Hi-Tech. Эта модель является еще одним проявлением *адаптивной функции* (блок 5). Но создание операторов социального действия – символов, новых стилей, технологий жизни etc. – является результатом кодирования новой структурности (блок 4), во всей четкости предъявляющей человеку сценарии жизни и дающей прогноз возможной самореализации себя, что вызывает действие *прогностической функции* (блок 3). Сценарии соответствуют иерархическим уровням генерируемой структурности. Можно сказать, что пути жизни человека проходят по «этажам» социума, и настройка «социального лифта» между «этажами», которым подчинено образование в качестве социального института, диагностирует истинные идеологические цели переустройства. Так, пресловутый компетентностный подход настроен на требования рынка труда, а демократизация образования с унифицирующими стандартами и диверсификацией целей настроена на возвышение и облагораживание профана, для чего и нужно его развлекающее вовлечение в поле культуры. Атрибуты Hi-Tech – глобальное коммуникационное пространство, виртуализирующее все сферы бизнеса и повседневности, принципиально новые производства и профессии – обеспечили беспрецедентный темп обновления социальных сценариев и всеобщую устремленность в будущее. В этом «обществе мечты» [18] исчезает «ощущение края» и формиру-

ется убеждение, что «всё возможно, стоит только захотеть». В принципе это актуализирует биоэтику в качестве «защитного пояса» перед безоглядным конструированием человеком своей телесности и психики в угоду избираемым сценариям жизни. «Защитный пояс» традиции и обычая выражает результат *компенсаторной функции* (блок 6) как действия, смягчающего темп инноваций и создающего виртуальные пути возврата назад. В модели отражено место (блок 2), на котором происходит расхождение *компенсаторной* и *прогностической функций*. Здесь происходит *вербализация* того культурного кода, который фиксирует новая нормативность Hi-Tech: «быть продвинутым» и «устремленным в будущее». В подобном лексиконе, состоящем из слогов, выражен культурный код эпохи Hi-Tech. Сам же код стал результатом социальных технологий (Hi-Hume), входящих в «группу поддержки» Hi-Tech и «штампующий» современный лексикон.

В модели все функции имеют двоякое направление (рис. 1): «к человеку» и «от человека», то есть – к блоку 7 и от него. Рассмотренные функции (по направлению «к человеку») составляют спектр ориентаций социальных и гуманитарных подходов, акцентирующих предметные области исследований. Это составляет методологический потенциал модели для проведения междисциплинарных исследований, что в некоторой степени демонстрирует пример с функциями Hi-Tech, представляющий «сборку» результатов, достигнутых в далеких друг от друга науках о человеке и обществе. Проведение такой методологической «сборки» раскрывает генезис в современной действительности первого парадокса, с которого была начата данная статья, – парадокса профана.

Стрелки, направленные на семиотические формы культуры «от человека», указывают основные ориентации восприятия, что позволяет осуществлять антропологическую «сборку» фрагментов социокультурной действительности. Такой способ «сборки» выявит генезис второго парадокса – парадокса неопределенности прошлого. Тезаурус человека может не дать «услышать» *вербализацию* идеалов повсеместных инноваций и не дать понять новую *нормативность* коллективной мечты, а предлагаемые новой *прогностической* сценарии жизни и способы *адаптации* к насаждаемой структурности жизни могут исключить человека из сообщества, разделяющего такую мечту. В графике модели (рис. 1) отмечен путь компенсации для тех, кто не принимает диктат властной символики намеченного будущего. Это путь к жизни в стабильном прошлом. Существование же во времени настоящем, перенесенное в пространство памяти, начинает творить прошлое как миф. Таким образом, как в «саду расходящихся тропок», в действительности начинают одномоментное существование различные времена. Путешествие по траекториям, которые «разрешены» в модели однонаправленными стрелками между блоками и двунаправленным пунктиром функциональных связей, устанавливает единственный «запрет» на прямой «переход» от блока 6 к блоку 2 – от ненаследственной памяти к культурному коду. Последствия преодоления этого «запрета» отмечены в приведенном выше афоризме В.О. Ключевского. Мифы прошлого и настоящего дают утешительные иллюзии, но не оставляют надежд на обретение рациональных способов действия в трансформируемой реальности. Этот «сбой» в наследовании опыта прошлого в префигуративном

состоянии современной культуры диагностирует биоэтика, поскольку ею актуализирован путь возврата к расхождению беспрецедентных возможностей Hi-Tech и отсутствию адекватных этических императивов.

Биоэтика как диагностика memory-turn

Конкретность ситуаций, исследуемых биоэтикой, трансформирует философию и ее роль в современной культуре, а эмоциональное напряжение, сопровождающее занятие биоэтикой, стимулирует поиск оригинальных методологических решений в условиях тотальных трансформаций на основе выявления тех механизмов в социальной динамике, результатами которых стал генезис новых феноменов культуры. Биоэтика воплотила в себе новое отношение к культурной памяти и новую технологию хранения прошлого в современном обществе, которое декларирует свою устремленность в будущее. Культурная память всегда выполняла назначение «защитного пояса обычая», компенсирующего и ограничивающего последствия безоглядных инноваций. Этот «пояс» был атрибутом коллективно носимых «одежд». Но на рубеже XX–XXI веков данный атрибут стал принадлежностью индивидуального «костюма», что сделало возможным легкий отказ от него и беспечную «примерку» «поясов», передаваемых по наследству в среде других культур.

Пути многочисленных трансформаций, пройденных и пережитых в XX веке, воссоздают траектории философских поворотов. Эти повороты, в первом приближении, означают новые стратегические направления философских исследований, вызванные выявлением проблем, беспрецедентных для философской традиции, что заставляло проводить критическую ретроспекцию всей традиции, в которой устанавливались некоторые «пробелы», а их устранение приводило к участию философии в междисциплинарных решениях прикладных задач и к всплеску своеобразных дисциплинарных делений философии. По перечисленным признакам происходит регистрация поворотов [19]. Перечень и последовательность легитимных поворотов были приведены В.В. Савчуком [19] – онтологический поворот, лингвистический поворот, иконический поворот, медиальный поворот и антропологический поворот. Безусловно, повороты в качестве фиксируемых в философской рефлексии траекторий трансформаций и путей социокультурной динамики данным перечнем не исчерпываются. Но их перечисление обнаруживает чрезвычайную близость с траекториями, которые вычерчивают действие функций в рассмотренной модели социокультурной динамики (рис. 1): траектория нормативной функции соответствует интенциям онтологического поворота, траектория вербальной функции – лингвистическому повороту, траектория прогностической функции на стадии трансляции информации – медиальному повороту, траектория критической функции на стадии создания символа как оператора социального действия – иконическому повороту, а адаптивная функция, заложенная в воздействиях множественности программ поведения человека, – антропологическому повороту. При этом траектории своего поворота «не находят» воздействие компенсаторной функции, раскрывающей влияние «ненаследственной памяти» культуры. Именно эта линия разрыва между актуальностью настоящего и прошлого служит основанием для регистрации memory-turn [5]. Легковесность формальных оснований для фиксации memory-turn, предоставляемых информационно-синергетической моде-

лю, уравнивает глубина выявленной археологии философских оснований биоэтики, установленной П.Д. Тищенко [4. С. 200–307]. Потребность в изысканиях, аналогичных археологическим исследованиям, уже относит философские основания биоэтики к пластам интеллектуальных традиций, хранимых в памяти культуры. Но необходимость «раскопок», прежде всего, продиктована требованиями биоэтического диалога и поиском ответа на главный вопрос биоэтики: «как возможно мыслить инако-мыслие» [4. С. 15]. Биоэтика требует опыта «продуктивного инакомыслия», утраты философией своей «покровительственной роли» по отношению к не-философскому знанию и работы в «режиме непритязательного философствования (Ю. Хабермас)» [4. С. 7–8]. Подобное смирение отличает диалог, востребованный биоэтикой, от диалога как формы существования самой философии. Условием диалога биоэтики становится готовность к интеллектуальному балансированию на границах инакомыслящего, инаковерующего и инакочувствующего для того, чтобы, *услышав* иную позицию, совершить «челночное возвратное движение» к исходному (или промежуточному) пункту своего рассуждения и ввести в собственное осмысление то, что до столкновения с конкретной ситуацией входило в различие собственной и иной позиции. «Удержать это различие в самой мысли и означает – открыть и сохранить в себе, и *предложить* в своем слове другому саму возможность инакомыслия» [4. С. 8]. Это помогает понять конкретность каждой ситуации, решаемой в биоэтическом диалоге, поскольку его прагматика исключает вердикт, выносимый страдающему человеку, в выражениях «ты не прав», «ты виноват в том-то и том-то», «раньше надо было думать», «а если бы два года назад, было бы сделано то-то и то-то» etc. Человеку, находящемуся на грани жизни и смерти, бессмысленно предъявлять обвинения, давать советы в сослагательном наклонении и предлагать решения, которые исходят не из его понимания блага. Для того чтобы «пробиться» к этому ситуативному пониманию, необходимо не только, подобно гроссмейстеру, держать в памяти все разыгранные шахматные партии, в которых «ходы» уже были сделаны во множестве вариаций и последствий, но и со всей ясностью осознавать, что «игра» ведется в условиях постоянно искажаемых «правил». Иными словами, биоэтика актуализирует *новый диалог с памятью культуры* в ситуации скользящих границ, разделяющих и соединяющих сложившиеся интеллектуальные традиции. А поскольку преодоление границ и есть условие организации биоэтического диалога, то опорой нового диалога с памятью культуры становится выяснение конфигурации границ и способов их превращения из линии раздела в линию сопряжения.

Возникновение биоэтики свидетельствует о стихийном совершении memory-turn, что находит подтверждение в упорядочении биоэтических проблем, при рассмотрении трендов биоэтики из позиции *блока б* в модели (рис. 1). Изначально биоэтика была ориентирована на нахождение некоего срединного пути, стыкующего множественность онтологий в построениях фундаментальных наук и философии, для обретения новой нормативности, регулирующей осуществление биомедицинских экспериментов (*блок 1*) при решении экзистенциальных проблем, возникающих в медицинской практике. Конкретность применения создавала видимость быстрого решения задачи, но

обернулась новым измерением в обратной перспективе путей философских традиций и смещением акцентов в их актуализации, а также утверждением непреходящего значения множественности онтологий [4. С. 20–23]. Это было зафиксировано (блок 2) Тристрамом Энгельгардтом-младшим в лаконичной формулировке: «биоэтика – существительное во множественном числе» [цит. по: 4. С. 230], а семантика этого кода разделила все пространство биоэтических обсуждений на две части: «биоэтика для друзей» и «биоэтика для посторонних». «Друзья» – это сообщества, жестко объединенные приверженностью к определенной этико-философской традиции и/или научной парадигме, с позиции которых они призваны «искать решения встающих в биоэтике проблем» [4. С. 232]. Рамки парадигм и традиций образуют трудно преодолимые границы в поиске решений, а принадлежность «друзей» к сложившимся пределам позволяет отнести всю эту область биоэтического обсуждения к пространству «памяти культуры», то есть к блоку б. Но решения, «проверенные временем», дают сбои в осуществлении компенсаторной функции из-за вариативно сочетаемых в современном человеке интеллектуальных и моральных оснований. «Посторонние» – это сумма всей множественности сообществ, существующих в реальности социальной структурности. Нарастающее расслоение данной структурности влечет увеличивающуюся дифференциацию социальных сценариев, сплетающихся в действительности mass media, что становится «точкой роста» толерантного отношения к каждому конкретному сообществу «посторонних» (блок 3). Это область, в которой наблюдается чрезвычайная подвижность границ нормы/патологии, искусственного/естественного etc. Скользящие границы создают конфликт интерпретаций, казалось бы, ясных принципов построения биоэтической экспертизы как гуманитарной технологии (блок 4). Технологию, направленную на защиту индивидуальности в тех проявлениях, которые трудно было представить еще два десятилетия назад (блок 5). Биоэтика, ставшая формой защиты индивидуальности, столкнула позиции «друзей» и «посторонних». Это столкновение в едином для них проблемном поле и вызвало совершение биоэтикой memory-turn, превращая ее в феномен самосознания современной культуры.

Литература

1. Пригожин И.Р., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1994.
2. Сибрук Д. Культура маркетинга, маркетинг культуры / Пер. с англ. М.: Изд. Ад Маргинем, 2005.
3. Мещерякова Т.В. Биоэтика как форма защиты индивидуальности в современной культуре // Высшее образование в России. 2009. № 10. С. 94–99.
4. Тищенко П.Д. На гранях жизни и смерти: философские исследования оснований биоэтики. СПб.: Изд. дом «Мирь», 2011.
5. Мелик-Гайказян И.В. Диагностика memory-turn, или Биоэтическое измерение проблем профессионального образования // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 4. С. 244–247.
6. Борхес Х.Л. Сад расходящихся тропок // Проза разных лет / Пер. с исп. М.: Радуга, 1989. С. 86–93.
7. Пушкин А.С. Метель // А.С. Пушкин. Сочинения. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1949. С. 510–515.

8. *Бохеньский Ю.М.* Современная европейская философия / Пер. с нем. М.: Научный мир, 2000.
9. *Мелик-Гайказян И.В.* Воздействие меняющегося мира как информационный процесс // Человек. 2007. № 3. С. 32–43.
10. *Мелик-Гайказян И.В.* Концептуальная модель диагностики технологий информационного общества // Вестник Том. гос. пед. ун-та. 2010. № 5. С. 42–51.
11. *Мелик-Гайказян И.В.* Информация и самоорганизация (методологический анализ). Томск: Изд-во Том. политехн. ун-та, 1998.
12. *Мелик-Гайказян И.В.* Информационные процессы и реальность. М.: Наука. Физматлит, 1998.
13. *Миф*, мечта, реальность: постнеклассические измерения пространства культуры / Под ред. И.В. Мелик-Гайказян. М.: Научный мир, 2005.
14. *Лотман М.Ю., Успенский Б.А.* О семиотическом механизме культуры // Ю.М. Лотман. Избранные статьи: в 3 т. Таллинн: Александра, 1993. Т. 3. С. 326–344.
15. *Уайтхед А. Н.* Символизм, его смысл и воздействие / Пер. с англ. Томск: Водолей, 1999.
16. *Мелик-Гайказян И.В.* Методология моделирования взаимосвязей необратимости, сложности и информационных процессов культуры // Бюллетень сибирской медицины. 2006. Т. 5, № 5. С. 101–114.
17. *Флорида Р.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее культуры / Пер. с англ. М.: Изд-во Классика-XXI, 2007.
18. *Йенсон Р.* Общество мечты. Как грядущий сдвиг от информации к воображению преобразит бизнес / Пер. с англ. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004.
19. *Савчук В.* Что значит метафора поворота философии? Статья размещена 23.03.2011. [Электронный ресурс]. – URL: <http://o-karina.livejournal.com/15458.html>
20. *Юдин Б.Г.* Основные этические принципы биоэтики и биоправа // Вопросы философии. 2003. № 2. С. 80–83.
21. *Юдин Б.Г.* О человеке, его природе и будущем // Вопросы философии. 2004. № 2. С. 16–28.
22. *Юдин Б.Г.* Чтоб сказку сделать былью? (Конструирование человека) // Бюллетень сибирской медицины. 2006. Т. 4, № 5.
23. *Тищенко П.Д.* Био-власть в эпоху биотехнологий. М.: ИФРАН, 2001.